

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	8
Предисловие	11
I. ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ	18
Анализ принципа исключительности человека	24
Кто заслуживает этического внимания?	54
Внимание к другим животным	67
II. ЕСТЕСТВЕННОЕ И НОРМАТИВНОЕ	83
Поступать естественно	87
Виды и видовая дискриминация	92
Люди и личности	101
Нравственные агенты и нравственные пациенты	108
Аргумент от крайних случаев	114
III. ПОЕДАНИЕ ЖИВОТНЫХ	132
Развитие индустриального сельского хозяйства	136
Жизнь и смерть на промышленных фермах	142
Аргументы против промышленных ферм	148
Обязательно ли вегетарианство с этической точки зрения?	157
IV. ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ЖИВОТНЫМИ	177
Поиски знания	182
Изменение установок и выработка норм	186
Боль животных и психологическое благополучие	191
Вес разных ценностей	197
Отмена экспериментов над животными	210

V. ДИЛЕММЫ СОДЕРЖАНИЯ В НЕВОЛЕ	216
Зоопарки	225
Свобода	233
Автономия	238
Дикое достоинство	249
Животные-компаньоны	255
Приют	259
VI. ЖИВОТНЫЕ В ДИКОЙ ПРИРОДЕ	267
Вымирание	271
Ценность видов	276
Конфликты людей и диких животных	284
Конфликты между животными	291
Конфликты между аборигенными видами и пришлыми	300
VII. ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ	305
Могут ли цели оправдывать средства?	312
Стратегии борьбы с видовой дискриминацией	316
Действие с эмпатией	332
Библиография	335

Посвящается Мэгги

БЛАГОДАРНОСТИ

Заняться профессионально философией меня побудило раннее знакомство с этикой животных. Я многим обязана своим первым учителям, которые ныне стали моими дорогими друзьями, — Дейлу Джеймисону и Питеру Сингеру. Мой путь в философию был отмечен решением попытаться напрямую изменить отношение к животным. Я закончила аспирантуру, когда движение за права животных только начинало зарождаться, и проработала несколько лет в проектах, боровшихся с разными формами эксплуатации животных, а также участвовала во многих активистских кампаниях, поистине восхитительных. Я работала плечом к плечу с такими невероятными, заражающими других своих воодушевлением людьми, которых оказалось бы слишком много, если бы я попробовала их перечислить, однако я особенно хочу поблагодарить Часа Кьодо, Кена Ноулса и Вики Миллер. Многие годы я с огромным удовольствием работала с людьми, которые посвятили себя заботе о животных, и они не только познакомили меня со всеми хитростями эмпирической работы, но и помогли мне лучше понять интересы животных. Я в особенно большом долгу перед Линдой Брент и Эми Фульц из приюта Chimp Haven в Кейтвилле (Луизиана) и Пэтти Риган из Центра человекообразных обезьян в Уочула (Флорида).

Некоторые идеи, затрагиваемые в этой книге, на протяжении многих лет озвучивались мной на различных площадках. Я благодарю слушателей Принстонского университета, Йельской юридической школы, Уэллсли-колледжа за то, что они обсудили со мной ряд идей, которые

излагаются в главах I, II и V. Я преподавала этику животных в пяти разных университетах и колледжах, и я признательна всем студентам этих курсов, особенно студентам курса «Люди — Животные — Природа», прочитанного весной 2008 г. — осенью 2009 г. в Университете Уэслиан, в ходе которого я проработала материал, составивший основу этой книги. Несомненно, они обнаружат на этих страницах свои возражения и ответы на свои вопросы. Особая благодарность Мике Фиринг, Дэну Фишеру, Меган Хьюз, Марку Ли и Дэну Шнидевинду за комментарии к некоторым главам. Я благодарна Молли Лаффлин-Роуз за помощь в исследованиях и Тайлеру Уатману за помощь со ссылками. Мои друзья в Университете Уэслиан в Миддлтауне и Fresh Yoga в Нью-Хэвене оказали мне очень ценную, хотя и совершенно разную помощь. Я признательна Хилари Гаскин из издательства Кембриджского университета за то, что она поняла важность этой книги и поддерживала меня в процессе работы над ней. Особенно в большом долгу я перед Валери Тибериус, Дж.Д. Уокером, Кристен Олсен и особенно Робертом К. Джонсом за то, что они дали мне подробные комментарии к первым вариантам глав, составивших эту книгу.

Свою глубочайшую благодарность я выражаю отдельным животным, которые вдохновляли, забавляли и утешали меня, с которыми у меня были насыщенные и действительно изменившие мою жизнь отношения, — моим кошкам Тути, Джейсону, Джереми, Камю и строптивой Элдридж Рекатснер; моим собакам Дули и Бадди; а также моим друзьям-шимпанзе, которые живут в приюте Chimp Haven, — Саре, Шебе, Эмме, Харперу, Айви, Кили и Даррелу. Когда я писала эту книгу, Даррела и Бадди не стало, однако память об их твердом характере и смелости поддерживала меня. Моя любимая собака Мэгги и ее подруга Фаззи постоянно были рядом со мной (или, говоря точ-

нее, у моих ног), когда я работала за компьютером. Мэгги особенно терпеливо сносила мой характер, когда подходил срок сдачи книги. Она помогла мне преодолеть многие потери и вызовы; ее лояльность и забота обо мне стали для меня образцом добродетельного этического внимания. Я посвящаю эту книгу ей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ наших этических отношений с животными восходят к античности, но только в 1970-х годах на волне борьбы за социальную справедливость, расовое и гендерное равенство этика животных стала рассматриваться со всей серьезностью философами и другими теоретиками, и тогда же родилось современное движение защиты прав животных. Когда я впервые начала работать над этикой животных, она находилась на границе между академической наукой и обществом, поэтому мне отрадно видеть, как постепенно складывалось самостоятельное научное направление под названием «исследования животных», и наблюдать за тем, как этика животных становится все более мейнстримным явлением. За последние 10–20 лет была проделана настолько большая теоретическая работа, что, по моему мнению, можно уверенно сказать, что сегодня мы видим «вторую волну» этики животных.

Во вводных текстах обычно делается попытка представить все стороны определенной проблемы, и мне кажется, что в этой книге мне это удалось. Однако, поскольку я думала и писала об этике животных, а также вела по ней курсы на протяжении более двух десятилетий, у меня есть хорошо проработанные взгляды на проблемы, которые я излагаю в этой книге, и своим студентам я обычно говорю, что было бы обманом делать вид, что это не так, поэтому я не стараюсь скрыть свои давно продуманные суждения. Мои позиции очевидны: другие животные заслуживают нашего нравственного внимания, их жизни имеют значение, и именно такая точка зрения определяет

эту книгу. Однако я не придерживаюсь в своей книге какой-то определенной философской позиции и не занимаюсь ее изложением. Скорее, учитывая существование конкурирующих этических проблем и многочисленных ценностных конфликтов, которые невозможно решить легко и очевидным образом, я стараюсь выделять этические затруднения в наших взаимодействиях с другими животными, а также указывать на некоторые ограничения популярных этических подходов. Даже среди тех, кто признает значимость животных, существуют серьезные расхождения. Я рассмотрела здесь некоторые из этих расхождений в рамках этики животных, в том числе и современные споры, однако, конечно, я не могу охватить весь этот материал. Многие будут не согласны с аргументами, которые я тут привожу, однако одна из моих целей — дать читателям достаточно аргументов и информации, чтобы они смогли выработать собственные взгляды, которые потом смогут уверенно защищать.

Едва ли не в каждой этической дискуссии заметна тенденция упрощать противоположные взгляды или изображать противников в карикатурном виде. Это определенно относится и к спорам в области этики животных. Например, противники опытов над животными нередко полагают, что те, кто использует их в научных целях, ни во что не ставят ни животных, ни защитников их прав. Я выяснила, что это не так. Точно так же защитники зоопарков обычно сваливают в одну кучу всех, кто против содержания животных в неволе, считая их радикалами, которые предпочтут, чтобы все животные вымерли, лишь бы не держать их в заточении. Я выяснила, что это тоже не так. Намного проще считать, что все вещи распределены по строгим бинарным категориям; и, определенно, намного проще писать, словно это на самом деле так. Боюсь, что я тоже иногда чрезмерно упрощаю теоретические позиции, особенно когда пытаюсь представить ка-

кую-то философскую мысль как можно точнее. Но на самом деле большинство позиций намного более сложны, и люди, занимающие разные позиции относительно животных, распределяются по определенному спектру. Кроме того, позиции людей по отношению к другим животным не всегда последовательны. У меня есть друзья, которые посвятили свои жизни защите и спасению животных, но при этом они едят других животных. Я знаю вегетарианцев, которые ставят опыты над животными, и веганов, которые поддерживают регулярный забой животных в приютах. Именно благодаря всем этим нестыковкам так интересно преподавать этику животных. Мы все так или иначе участвуем в практиках, которые я исследую в этой книге, и это отличает их от многих других философских тем, для нас скорее абстрактных.

Я выстроила книгу так, чтобы она была доступна заинтересованному читателю и в то же время полезна тем, кто хотел бы использовать ее в учебной аудитории. Каждая глава начинается с одного или пары небольших рассказов, где поднимается ряд проблем, которые будут изучаться в этой главе. Я думаю, особенно важно в размышлении об этике и ее преподавании не позволять теории уходить слишком далеко от практики. Информация об этических проблемах реального мира должна определять наши философские размышления, поэтому я часто обращалась к экспертным (нефилософским) идеям и знаниям о тех или иных практиках. Лучшее всего об этом сказал, как мне кажется, философ Генри Сиджвик:

Наша цель — определить идеал благой жизни... и чтобы сделать это удовлетворительным и полным образом, мы должны располагать адекватными знаниями об условиях нашей жизни во всей ошеломляющей сложности и разнообразии, в которой она на самом деле проживается... мы можем сделать это только благодаря полным и многооб-

разным знаниям о реальных возможностях и ограничениях, реальных потребностях и искушениях, реально сковывающих обычаях и привычках, желаниях и страхах... и эти знания философ — чей личный опыт часто весьма ограничен — не может в полной мере усвоить, если только он не будет пользоваться возможностями учиться на опыте [других]... практическое суждение философа о конкретных проблемах часто не заслуживает доверия, если оно не опирается и не ориентируется на практическое суждение других людей, философами не являющихся [Sidgwick, 1998, p. 20–21].

Я искала сведения и «практическое суждение» вплоть до последней минуты, чтобы дискуссия по возможности отвечала современному положению дел. Также я включила рассказы о собственном опыте работы с животными и высказывания людей, которые вовлечены во многие аспекты обсуждаемых здесь вопросов, например, тех, кто работает в лабораториях или зоопарках, кто против применения животных в лабораториях и против зоопарков, кто непосредственно ухаживает за животными в приютах и убежищах, кто изучает животных в дикой природе.

Если эту книгу рассматривать в качестве учебника, то главы можно использовать в преподавании довольно по-разному, в зависимости от содержания курса и интересов преподавателя. В первых двух главах представлены этические аргументы, которые составляют ядро дискуссий об объеме и природе наших обязанностей перед другими животными. Хотя эти главы относительно независимы друг от друга, преподаватели могут дополнить их текстами, в которых рассматривается история этики, когнитивные процессы у животных, сравнительная психология, философия биологии, исследования ограниченных способностей, а также текстами, в которых критикуется антропоцентризм. Другие главы также можно дополнять в зависимости от интересов преподавателя. Глава III

органично подводит к более обширному обсуждению этики убийства или философии пищи. В главе IV я лишь мимоходом касаюсь вопроса боли, которому было посвящено много интересных философских и научных работ; также здесь многое может сказать ветеринарная медицина. Кроме того, эта глава подводит к некоторым сюжетам из истории и философии науки. Глава V может быть дополнена углубленным обсуждением автономии, политической философии или же сюжетами из области философии сознания. Глава VI может стать основой для прекрасного модуля по экологической философии и биологии сохранения видов. В главе VII рассматривается активизм в области защиты животных, и здесь можно было бы сказать намного больше об отношении этого активизма к другим формам борьбы за социальную справедливость. Разумеется, это все просто варианты, и я надеюсь, что книга может оказаться полезной тем, кто ведет курсы по праву животных и исследованиям животных в рамках разных дисциплинарных и междисциплинарных подходов.

Я хотела бы сделать несколько комментариев о терминологии. Термин «животное» вызывает споры, поскольку он может использоваться совершенно по-разному. Часто он предполагает, что люди из его области значения исключаются, но, конечно, люди — тоже животные. Тогда как и термин «человек» не настолько однозначен, как может показаться, о чем я говорю в главе II. Термин «животное» настолько обширен, включает настолько большое число разных организмов, что порой он оказывается слишком общим, чтобы быть полезным. Некоторые авторы, в том числе и я, для большей конкретики используют термин «не-человеческое животное», которым обозначают остальных животных. Некоторые утверждают, что тем самым люди ставятся выше других животных. Чтобы исправить это, порой используют термин «животные, отличающиеся от человека», но он кажется немного громоздким.

Я использую термин «другие животные» так часто, как это имеет смысл. Также я использую термины «не-человеческие животные», а иногда и просто «животные».

Некоторые философы отделяют «этику» от «нравственности», я же использую здесь эти термины как синонимы.

Также я хотела бы обратить ваше внимание на то, как я использую местоимения. Использование местоимений — особенно важная тема в гендерных исследованиях, поскольку употребление гендерно-нейтральных или гендерно-инклюзивных местоимений или же, наоборот, их неприменение влечет следствия, которые не ограничены грамматикой. В исследованиях животных идет борьба за то, чтобы перестать называть животных местоимением «оно» («it»), применимым к неодушевленным объектам, и начать называть их «он» или «она». Это не так просто, когда неясно, какого пола конкретный индивид, которого я имею в виду, так что иногда я говорю о животном, пол которого мне не известен, как о «нем», в мужском роде, а иногда как о «ней». Проверка орфографии постоянно срабатывала, когда я писала «whom» в предложениях, где речь о животных, на которых я указываю местоимением «who» («кто»), а не «that» («тот»). Такие подсказки программы я игнорировала.

Хотя над темами, которые я здесь представляю, я работала много лет, временами от работы над этой книгой мне было очень грустно. Мы, люди, причинили другим животным много совершенно ненужных страданий. Когда изучаешь историю экспериментов над животными или зоопарков, оцениваешь современное состояние животноводства или узнаешь о кризисе, вызванном торговлей мясом диких животных в Африке, и скорости вымирания видов, иногда возникает чувство, что этическое обсуждение всего лишь царапает поверхность наших устоявшихся бессердечных практик, а задача их изменения кажется

непреодолимой. Однако соприсутствие с другими животными, ощущение их невероятных способностей к прощению, знакомство с замечательными людьми, которые тратят свои жизни на улучшение жизней животных, наконец, работа со студентами, которые горят желанием сделать нечто важное, — все это дает мне надежду. Отчасти моя надежда основана на том, что, прочитав эту книгу, читатели смогут переосмыслить свои отношения с другими животными, так что вы, возможно, пожелаете ежедневно заниматься одним и тем же — делать мир лучше для всех животных, и людей, и не-людей.

1. Почему животные имеют значение

В НАЧАЛЕ лета 2004 г. у северного побережья Северного острова Новой Зеландии стайка дельфинов-афалин окружила тесным кольцом четырех пловцов. Дельфины были возбуждены, били по воде своими телами, кружили вокруг пловцов, удерживая их друг возле друга примерно четверть часа. Патруль береговой охраны на проплывавшем неподалеку катере заметил суматоху и ринулся к пловцам, чтобы выяснить, что случилось. Под водой, под пловцами, патрульный увидел большую белую акулу, которая в этот момент уплывала. Считается, что патрульный катер спугнул акулу, но именно дельфины защищали пловцов от ее нападения до прибытия патруля. Доктор Рошель Константин из Школы биологических наук Оклендского университета отметила, что такое поведение встречается редко, однако некоторые примеры все же известны. «Насколько я понимаю поведение этих дельфинов, они своими действиями показывали, что акула чему-то угрожает. Известно, что дельфины помогают беззащитным созданиям. Это альтруистическая реакция, и афалины особенно славятся ею»¹.

¹ Thomson A. Dolphins saved us from shark, lifeguards say // 50th voyager. Website of the Year. November 24, 2004. URL: www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=3613343.

Действительно ли дельфины альтруистичны? Считают ли они людей беззащитными созданиями? Могут ли они понимать угрозы другим индивидам, а не только себе? Действительно ли они заботятся о других индивидах, даже если это представители иных видов? Если дельфины заботятся о нас, должны ли мы заботиться о них и других животных? История о дельфинах, спасших людей от возможного нападения акулы, вызывает любопытство и внушает воодушевление, указывая на конгломерат вопросов, многие из которых мы будем рассматривать в этой книге.

Люди всегда жили в тесном соседстве с другими животными. Животные работали рядом с нами. Они охотились на нас, а мы — на них. Мы использовали их в качестве заменителей людей в научных и медицинских экспериментах, мы изменили их генетически и физически, сообразно нашим вкусам, нашему образу жизни или нашим домашним потребностям. Они могли развлекать нас, но также вдохновлять, служить примером верности и преданности. Кроме того, не-человеческие животные играют определенную концептуальную роль, помогая нам определять самих себя как людей. Мы — не они. Человеческую природу мы определяем, противопоставляя ее животной. Их отличие от нас подчеркивает наше сходство с другими людьми. И реальные, и концептуальные отношения людей с другими животными ставят этические вопросы, как и любые отношения между индивидами, обладающими чувствами. Мы сосуществуем с другими животными на планете, на которой недостаточно ресурсов, чтобы поддерживать всех нас сколь угодно долго. Многие, если не все наши решения и действия влияют не только на наших соплеменников-людей, но также и на родичей-животных. В этой книге мы будем изучать ряд этических вопросов, которые подняли отношения людей с другими животными.

Не все согласны с тем, что существуют этические вопросы, которые вытекают из наших отношений с живот-

ными, поэтому мы для начала должны рассмотреть вопрос, согласно которому у нас нет никакой этической ответственности перед другими животными. Этот взгляд, который я буду называть «принципом исключительности человека», в какой-то мере проистекает из того, что мы психологически и интеллектуально дистанцируемся от нашей собственной животной природы, а потому и от других животных. Наша человечность отличается от нашей животной природы, а некоторые утверждают даже, что она ее трансцендирует. Мы считаем людей творцами мира и смысла и предполагаем, что другие животные таковыми не являются. Мы занимаемся исключительно человеческой деятельностью, которая возвышает нас над другими животными. Поскольку же считается, что люди занимают отдельную, вышестоящую сферу, некоторые полагают, что по-настоящему интерес для этики представляют только люди.

В истории философии можно найти немало примеров подобной точки зрения. Аристотель является, пожалуй, самым известным из ранних философов, кто утверждал, что животные в естественной иерархии вещей стоят ниже человека, поскольку у них нет разума. Он полагал, что в этой естественной иерархии тот, кто находится на более высокой ступени, обладает правом использовать тех, кто стоит ниже, и в то же время несет ответственность за такое использование. Позже стоики продвинулись немного дальше и стали отрицать то, что у животных вообще есть способность к мышлению, утверждая при этом, что они существуют только для того, чтобы их использовали. Философ Ричард Сорабджи писал:

Крайняя версия представления о том, что животные существуют для человека, обнаруживается у стоиков. Согласно Хрисиппу, мошки нужны, чтобы будить нас, а мыши — чтобы мы тщательно прятали свои вещи. Петухи появи-

лись на свет божий тоже с полезной целью: они будят нас, ловят скорпионов и зовут нас к бою, но их необходимо поедать, чтобы кур не стало больше нужного. Что касается свиньи, она наделяется душой... из соли, чтобы она оставалась свежей, и мы могли ее съесть [Sorabji, 1993, p. 199].

Ранние христианские теологи, за важным исключением Франциска Ассизского, также считали животных фундаментально отличными от людей, поскольку у них нет души и поскольку они существуют только для того, чтобы служить человеческим целям². Тогда как Рене Декарт, «отец современной философии» — самый цитируемый сторонник представления о том, что у людей есть сознание, а потому они являются одушевленными существами с определенным нравственным статусом, в то время как другие животные — всего лишь телесные, механические создания, которые существуют, чтобы мы использовали их так, как нам вздумается. По мнению Декарта, как и некоторых его предшественников, животные должны считаться всего лишь живыми машинами, которые автоматически отвечают на стимулы, не осознавая того, что именно происходит с ними, когда они с такими стимулами сталкиваются. Отсутствие у них разума, мыслей, сознания и души означает также отсутствие этического стату-

² Попытка определить, как животные смогли выжить в мире, не имея способности мыслить, часто приводила к сильным философским столкновениям, о чем говорит следующая цитата из Августина: «Различие разве что в том, что младенцев мы видим еще более слабыми, как по телесной силе, так и по силе желаний, нежели самые слабые детеныши животных; потому что сила человеческая тем более обнаруживает превосходство над прочими животными, чем более она сдерживает свое стремление, подобно стреле, оттягиваемой в противоположную сторону при натяжении лука» (Августин Аврелий. О граде Божьем. Кн. XIII. Гл. 3). Я благодарна Мэри Джейн Рубенстейн за то, что она обратила мое внимание на этот отрывок.

са. У нас нет этических отношений с будильниками, то-стерами или сотовыми телефонами, и точно так же нет у нас этических отношений и с другими животными.

Несмотря на свое пренебрежительное отношение к другим животным, даже эти мыслители считали, что наше взаимодействие с ними ставит некоторые этические вопросы. Ни один разумный человек не считает, что бессмысленная жестокость в отношениях с животными не влечет никаких этических проблем. На самом деле, в философских работах довольно часто встречаются примеры такой бессмысленной жестокости, которая признается безусловно предосудительной. И если есть смысл утверждать, что нельзя пытаться забавы ради собаку или сжигать живьем кошку из чистого любопытства, может показаться, что в некоторых случаях другие животные могут быть подлинными предметами этической обеспокоенности. Некоторые философы утверждали, что предосудительность таких проявлений бессмысленной жестокости проистекает не из непосредственного ущерба, наносимого животному-жертве, а скорее из того, что они отражают определенный тип характера, который позволяет человеку неэтично вести себя с людьми. Например, по мнению Иммануила Канта, хотя «неразумные животные» являются попросту вещами, перед которыми у нас нет непосредственных обязанностей и которыми мы можем распоряжаться по нашему усмотрению, из действий, направленных на животных, проистекают определенные следствия для человечности. По словам Канта, «если кто-нибудь убивает свою собаку, потому что та не зарабатывает больше на свой хлеб, то этим самым он не действует против своих обязанностей по отношению к собаке, так как она не обладает способностью суждения, а нарушает этим самым принцип человечности в самом себе, согласно которому должен действовать» [Кант, 2000, с. 212]. Согласно мыслителям, которые разделяют в той или иной форме принцип исключитель-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru